

Владимир Берязев: «Мир жесток, но и прекрасен...»

— Владимир Алексеевич, давайте начнем с того, как прокопьевский мальчик из простой семьи едва не стал певцом...

— Мы жили в шахтерском городке, в 200 метрах от террикона — эдакого черного чудовища, из чрева которого, бывало, вырывался такой же черный дым. Запах горелого угля, мельчайшая каменная пыль, черный зимний снег — самые обыденные воспоминания детства. Я начал петь как только научился говорить. Меня с гордостью демонстрировали всем любопытствующим. Публика была многонациональная и очень доброжелательная, что меня весьма подбадривало. Я продолжил эту «карьеру» в школе, неизменно участвуя во всех мероприятиях. Однако каждая судьба имеет несколько вариантов. Мою певческую траекторию Господь пресек. Как оказалось, во благо. Мой друг, замечательный поэт Сергей Самойленко, всегда говорит: «Слава Богу, что в юности нам не попала в руки гитара», ибо «подпорка» в виде мелодии, ритма всегда пагубно сказывается на качестве стихов. В этом варианте совершенно не обязательно их шлифовать: есть голос, музыка, педалирование эмоций — они все делают. Сегодня-то я понимаю, что настоящая песня при внешней легковесности тоже может быть стихотворным шедевром, но это очень сложная вещь. Песни, претендующие на народность, можно по пальцам перечесть. Много их возникло в нашей культуре на почве гражданской, Великой Отечественной войн. Величайшие народные трагедии оставили такой культурный след, когда песня становится высоким поэтическим произведением. Ну а певцом я на самом деле не стал по причине самой банальной — родителям просто не хватало средств на мое музыкальное образование.

— Но вы все же реализовали свое творческое начало, став замечательным поэтом и прозаиком.

Литератор, стихотворец, мастер — заявляет себя новосибирский писатель, поэт, главный редактор старейшего в России литературного журнала «Сибирские огни» Владимир Берязев и дарит мне свежий номер журнала и новенький сборник своих стихов. Все это кажется кусочком сна о моей прошлой, наполненной литературными изысками жизни. Но мне не нужно просыпаться и разочаровываться — это явь: жизнелюбивый мастер слова, знающий толк в настоящей литературе и толково ее создающий, пьет чай за моим редакторским столом и с высот своих недавно «стукнувших» пятидесяти рассуждает со мной о жизни, о силе и роли в ней русского слова

— На самом деле литератор — сложная профессия, для постижения которой требуется как минимум лет 10 — 15. Мои учителя и старшие товарищи — Александр Плитченко, Геннадий Карпунин, Владимир Башунов, Михаил Вишняков, Станислав Золотцев научили меня простой вещи — если ты выбрал эту профессию, ты должен уметь все: написать рецензию, отзыв, очерк, эссе, если стихотворец — и сонет, и балладу, и элегию, и поэму. Должен уметь редактировать тексты, составлять сборники и так далее. И я стараюсь следовать этим заветам.

В принципе научить писать стихи можно всех мало-мальски образованных людей. Но мастерство — это такая вещь, которая при наличии таланта приобретает. И если ты в молодые годы не работаешь над этим несколько лет кряду, ты не можешь считать себя мастером. С 17 до 27 лет я непрерывно учился и только после этого смог назвать себя стихотворцем. Я вообще считаю: поэт — это нечто высокое, значительное, что можно по достоинству оценить только после жизни.

— ...исходя из постулата талант в России — не жилец?

— Не в этом дело. Поэт — это свершившаяся и завершившаяся в самой себе судьба. Прожил, пропел, и только тогда тебя назовут поэтом. Так было с Николаем Рубцовым, то же происходит с Владимиром Соколовым, Николаем Тряпкиным и Юрием Кузнецовым. Они не просто вошли в золотой фонд русской литературы — они становятся такой величиной, которую уже не обойдешь.

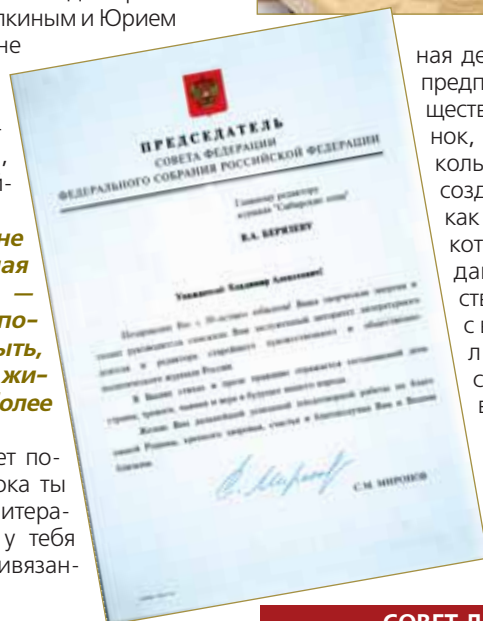
— Однако это не слишком хорошая русская традиция — оценивать талант посмертно. Может быть, создать условия ему живому, и он запоет более чистым голосом?

— В моей душе нет подобных протестов. Пока ты живешь в качестве литератора и стихотворца, у тебя есть личная жизнь, привязан-

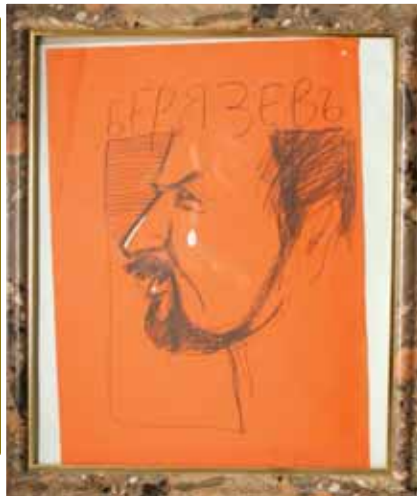
ности, есть то, что не видно публике. Это та атмосфера, в которой происходит созревание души. И как только возникает иллюзия признания, ты становишься человеком публичным и уже себе не принадлежишь. Это огромное искушение. Однако писатель — профессия сокровенная. Конечно, нам бы хотелось, чтобы наш труд был оценен и оплачен, возможно, не так достойно, как в прежние времена, но хотя бы был вписан в социальный контекст. Ибо статус литератора сейчас сродни статусу бомжа. Литератур-

Сибирская Неферити — талисман «Сибирских огней»

ная деятельность сегодня не предполагает гонораров. Существует литературный рынок, где присутствует несколько десятков писателей, создающих произведения как товар. Есть писатели, которые умудряются создавать высокохудожественные произведения с возможностью их реализовать. Во многих странах за рубежом все это выглядит совершенно иначе. Об этом душа скорбит. К счастью, лично я могу позволить себе заниматься любимым делом.

Таким видят Мастера друзья-художники

— Но мне кажется, что те миры, которые создает писатель, существуют в современной действительности в отрыве от нее?

— Ничего нового в подлунном мире не происходит. Пошлость и потакание страстям существовало и две тысячи лет назад. Но было сказано: ищите, да обрящете. Ищите в искусстве, если есть желание найти что-то для спасения своей души. Часто именно через искусство человек приходит к вере, к нравственности, к любви, состраданию. В искусстве человек может найти для себя все.

— Однако процесс этот стал каким-то техногенным. Неужели литература тоже окончательно «оцифруется»?

— Сегодняшняя развитая, технологичная экономика не позволит нам с вами уже в ближайшем будущем приобретать книги в больших количествах. В скором времени мы будем иметь какой-нибудь двустраничный «складничок», где уместится практически вся мировая литература, листать страницы которой мы станем с помощью кнопочки. А традиционная книга — красивая, вкусно пахнущая типографской краской, оформленная художником — останется для гурманов, станет предметом роскоши. Лет через десять хорошая библиотека окажется редкостью.

— А что останется с литературными журналами? Исчезнут вовсе?

— Я очень надеюсь, что минимальный бумажный тираж для библиотек сохранится. В пределах 2 — 3 тысяч экземпляров. Литература переместилась в Сеть, и с этим придется не только примириться, но приспособиться к этому. «Журнальный зал», где присутствует порядка 20 толстых журналов, включая «Сибирские огни», дает нам до 40 тысяч читателей в месяц. Это очень приличный тираж. Если присовокупить к этому читателей нашего сайта www.sibogni.ru, то эта цифра возрастет до 45 тысяч, плюс читатели бумажной версии. И этой аудитории нам вполне достаточно, чтобы журнал

развивался, чтобы появлялись новые авторы. С одной стороны, наша функция — сохранение традиций русского литературного языка (в этом виде толстые журналы существуют уже 2,5 века как русское изобретение), через это происходит и передача от одного поколения к другому того, что в русском языке называется творчеством. Потому что писательская работа не может передаваться через аудио-, видеозаписи. Духовное горение должно передаваться «из рук в руки». Человек должен быть посвящен в это дело. Помните: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил»? И только с помощью таких инструментов, как толстый журнал, семинары молодых литераторов, встречи в каких-то аудиториях, просто работа с молодым автором в редакции, мы сможем продолжить традицию великой русской литературы.

— Вы рассуждаете, как мастер, как истинный хранитель традиций мастерства, тогда скажите, как быть с читательским вкусом? Ведь сейчас он формируется в основном низкопробной литературой «удобного для сумочки» формата?

— Если почитать Плиния Младшего о Риме того периода, можно представить, как избранная публика собирается послушать и обсудить новые литературные произведения. Но такой публики было мало, а в Колизей на гладиаторские бои собиравались тысячи. За тысячелетия христианской цивилизации мы сильно изменились. Большинство из нас не хочет видеть жестокости. Однако

массовая культура, культурная глобализация на самом деле не несет ничего лучшего. Остановить этот процесс — значит вернуться к достигнутому в культуре, русской цивилизации, без чего мы попросту утратим свое национальное лицо и, в первую очередь, язык. Поэтому наша задача — литераторов, журналистов, педагогов, из последних сил сражающихся с ЕГЭ, — сохранить язык, его раз-витие.

— Поэтому вас интересуют эпосы?

— Конечно. Я увлечен

древней историей северной Азии — от Тибета до Казахстана и Сибири. Исследование эпосов дало большие познания об этих местах. Я понял главное: национальный вопрос, так остро вставший в прошлом веке, — это «обманка». На самом деле кровь не играет никакой роли в личностном развитии. Как оказалось, во мне нет ни капли славянской крови, но я — истинно русский человек. Могущество России — именно в многонациональности. Так что нам необходимо беречь язык, культуру населявших ее народов. Страна, протянувшаяся от Балтики до Курильских островов, не могла быть создана слабым и ничтожным народом. Недаром Твардовский написал поэму «За далью даль», не раз проехав по Транссибирской магистрали. Он понял величайшую загадку этого пространства, этой страны. Когда надо проехать 10 тысяч верст и понять объемы этого пространства, это рождает чувство восторга и ответственности.

— В чем крамола вашей книги «Сумасбродные мысли о выборе веры»? Почему она отлеживалась десять лет?

— Было написано в смутное время, когда между слоями общества прошла огненная граница вражды. От меня им всем досталось за весь тот кошмар балансирования на грани катастрофы. Но по прошествии 10 лет все это перестало быть таким острым, однако не утратило актуальности до сих пор. Просто сегодня на это можно посмотреть чуточку сверху, поскольку за это время мы набрались мудрости, сделали многие правильные выводы. Ведь далеко не все смогли пережить эту трагедию

— И все же писатели, поэты, как бы скромны ни были, — люди необыкновенные, если хотите, Богом избранные, а потому тонко чувствующие и прозорливые. Скажите, как будем жить дальше, во что верить, на что надеяться, на что опираться?

— Несмотря ни на что, жизнь стала спокойнее. И это самое главное. В последние годы я много ездил по миру и совершенно точно знаю: мне не хотелось бы жить нигде, кроме России. В отличие от Запада, здесь к нам никто не лезет — ни в душу, ни в дела. А от больших напастей нас спасает опыт жизни в тоталитарной стране. Мы это пережили, перетерпели, и нам уже ничего не страшно.

С Владимиром Берязевым
беседовала Наталья Секрет

